

публикаций в епархиальной печати, «проповедь, не будучи хорошо продумана и разучена самим проповедником, выходит мертвая, холодная, за сердце верующего не трогает, добрых чувств его не расшевелит и на путь спасения не направит»²⁴⁶.

В качестве дополнения к богослужениям постепенно развивались «внебогослужебные собеседования». Как говорилось в одном из ежегодных отчетов о состоянии епархии, «собеседования эти в большинстве приходо́в бывают не после торжественных вечеров в праздничные и воскресные дни, к каковым вечерам народ, по отзывам благочинных, еще не привык ходить, а между утренею и литургиею». Они начинаются обычно осенью, с октября «когда сельский люд имеет большую возможность посещать храмы, и останавливаются в Великом посту». Местом для проведения собеседований, как правило, избирают храм, помещение школы или даже церковную сторожку. «Здесь поются общим хором церковные песнопения, читается и объясняется святое Евангелие, рассказывается священноистория, события или жития святых и разъясняются истины христианской религии и нравственности»²⁴⁷. Становление и развитие богослужений вне и внутри храма развивалось параллельно с еще одним явлением духовной жизни, точно так же ставшем в XIX в. предметом внимания духовных и светских властей. Речь идет об иконопочитании. Остановимся на этом вопросе подробнее.

§ 3. Иконопочитание

Проблемы присутствия икон в храме и крестьянском доме, почитания святых образов сегодня становятся существенным, активно развивающимся и актуальным аспектом церковно-исторических исследований²⁴⁸. Но сохраняются сложности в выявлении и обобщении источников по данной теме. В материалах делопроизводства консистории, других органов власти сведения об иконопочитании

²⁴⁶ *А. П-рий*. Жизнь и деятельность сельского духовенства и благочиннические съезды // ОЕВ. 1907. № 5. С. 139.

²⁴⁷ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1850, л. 31–31, об. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1900 г.).

²⁴⁸ *Шенникова Л.А.* Силы небесные: иконография и литургические тексты // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 179–187; 179–187; *Цеханская К.В.* Иконы в народной жизни // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 300–315.

присутствуют в незначительном количестве. Этот вопрос сравнительно слабо интересовал духовную власть, а усилия этнографов, современников событий, были направлены преимущественно на изучение языческих пережитков в почитании икон²⁴⁹. На основании имеющихся данных крайне трудно систематизировать «варианты иконных наборов», существующие в разных приходах²⁵⁰, изучить состав местных иконостасов²⁵¹, не всегда удается проследить пути поступления икон в дома верующих и приходские храмы²⁵². Тем не менее ряд существенных эпизодов, связанных с иконопочитанием, но явно находящихся за рамками искусствоведения, поддается изучению. Так, исследователи обращают внимание на широкое распространение культа отдельных святых в тех или иных местностях (на севере России – Николая Чудотворца²⁵³), а также по всей Руси – Богоматери²⁵⁴. Ряд исследований посвящен формированию и поддержанию культов деревенских святынь²⁵⁵.

Опираясь на существующие традиции, церковное законодательство предусматривало и поощряло приношения в пользу церкви, которые могли осуществляться в виде денег или «вообще движимых имуществ: образов, окладов и других вещей»²⁵⁶. Закон закреплял существующую издавна благочестивую традицию. Известно, что подавляющее большинство икон, о которых сохранились сведения, когда-то пожертвованы приходским храмам или отреставрированы за счет

²⁴⁹ *Балов А.* Следы древних верований в народном иконопочитании // Живая старина. 1891. Т. 1. № 3. С. 45–76.

²⁵⁰ *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии, с. 209; *Платонов В.Г.* Иконопись Заонежья второй половины XVII века (формирование стилистических направлений и эволюция иконостасов) // Заонежье. Петрозаводск, 1992. С. 142–159.

²⁵¹ *Платонов В.Г.* Иконостас церкви св. Варвары в деревне Яндомозеро // Народное зодчество. Петрозаводск, 1992. С. 177–190.

²⁵² *Тарасов О.Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995. С. 20, 31, 165.

²⁵³ *Шайжин Н.* Слава Святого и Чудотворца Николая в Олонецком крае. Петрозаводск, 1909.

²⁵⁴ *Шевицова В.* Освящение истории: Богородица и православная память в поздний период Российской империи // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX–начало XX в.). СПб., 2007. С. 301–315.

²⁵⁵ *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

²⁵⁶ *Александров Н.* Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства. СПб., с. 123.

прихожан. Так, в 1879 г., по сведениям из отчета олонецкого благотворительного, неизвестный благотворитель из Санкт-Петербурга и крестьяне Ильинского прихода совместными усилиями «возобновили новую живопись ветхие и не совсем правильно писанные иконы», позолотили иконостас, «с употреблением ими от своих средств на это святое дело более двух тысяч рублей»²⁵⁷. Другой благотворитель, санкт-петербургский купец В.Б. Богданов, пожертвовал церкви Горского прихода икону святителя Николая, «писанную на золотом фоне с чеканкою в киоте за стеклом»²⁵⁸.

Документы фиксируют случаи приобретения икон специально для сохранения памяти о том или ином примечательном событии в жизни страны, никак явным образом не связанном с иконописным сюжетом. Так, в 1879 г. крестьяне Устьмошского прихода Каргопольского уезда совместно с приходским духовенством приобрели для своей церкви икону святого Александра Невского специально «по случаю спасения жизни государя императора». Отныне перед этой иконой 19 ноября, в день памяти благоверного князя, совершалась литургия и молебен за здравие царя²⁵⁹. Отправляясь на японскую войну, «нижние чины» из Вытегорского уезда решили в 1906 г. пожертвовать в местный Вознесенский храм образ Казанской Божией Матери²⁶⁰. Семейные события запечатлевались в тех или иных иконах. Особое место в сакрализованном мире русского крестьянина отводилось «благословенным» иконам, полученным от родителей на свадьбе или в какие-либо другие особо важные моменты жизни²⁶¹.

Представители местной власти внимательно отслеживали все пути происхождения икон и пресекали попытки распространять иконы, в чем-либо не соответствующие принятым в господствующей церкви образцам. Имеющиеся дела связаны преимущественно с Повенецким уездом, где длительное время располагалось Выговское старообрядческое общежительство, способное оказывать заметное влияние на местное население, в том числе и путем распространения написанных по старообрядческим канонам икон. Например, в 1855 г. священник

²⁵⁷ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 49.

²⁵⁸ Там же, л. 49, об.

²⁵⁹ Там же, л. 19, об.

²⁶⁰ *Георгиевский Н.* Икона Казанской Божией Матери — дар запасных нижних чинов Вытегорского уезда в Марковский храм // ОЕВ. 1906. № 1. С. 28.

²⁶¹ *Листова Т.А.* Религиозно-общественная жизнь: представления и практика, с. 712.

Лексинского погоста указывал в своем объяснении благочинному, что в его приходе обнаружилась икона, на которой в верхней части располагалось изображение Спасителя, а в нижней – канонизированных старообрядцами местных наставников. Полиция конфисковала икону, а священника обвинили в небрежном исполнении обязанностей. Как говорилось в выписке из журнала консистории, он «по званию пастыря и долгу священного сана обязан был сам, без всякой просьбы, предварить земскую полицию о продаже соблазнительных икон, в пресечение зла, могущего от сего произойти»²⁶². Помимо полицейских мер (конфискация икон, написанных с нарушениями существующих канонов) использовались «рыночные методы»: продажа по низким ценам тех святых образов, которые вполне соответствовали устоявшимся каноническим нормам. Так, в 1914 г. Александро-Свирское братство указывало в своем отчете, что в числе приоритетных разновидностей его деятельности числится «устройство складов и распространение чрез книгонош книг, брошюр, икон, крестиков и картин религиозно-нравственного содержания»²⁶³.

Иконопись стала одной из важных сфер, в которой проявлялось влияние духовной и светской власти на жизнь православного прихода. Согласно закону запрещалось «изображать на иконах одни символические знаки», не позволялось также «употреблять в церквах иконы резные или отливные, кроме распятий искусной резьбы»²⁶⁴. Внимание к облику икон, источникам их происхождения вовсе не было случайностью. Оно связано с тем влиянием, которое иконы оказывали на повседневную религиозную жизнь. Появление каждой иконы в храме превращалось в праздник, частью которого становился крестный ход, торжественные богослужения, произнесение проповедей, пение акафистов. Прежде всего это касается особо почитаемых икон – тех, которые были освящены на мощах святых. Так, в 1915 г. Александро-Свирский монастырь пожертвовал церкви Вешкельского прихода образ преп. Александра Свирского Чудотворца, освященный на мощах преподобного²⁶⁵.

²⁶² НА РК, ф. 25, оп. 8, д. 3/11, л. 7.

²⁶³ Александро-Свирское братство Олонецкой епархии в 1911–1913 гг. // ОЕВ. 1914. № 1. С. 10.

²⁶⁴ *Ивановский Я.* Обозрение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству. СПб., 1900. С. 136.

²⁶⁵ *Венустов И.В.* Перенесение святой иконы преп. Александра Свирского Чудотворца из г. Петрозаводска в Вешкельский приход // ОЕВ. 1915. № 31. С. 583.

Перенесение иконы до Вешкельской церкви превратилось в многодневный церковный праздник, которым были охвачены все деревни и города по пути следования процессии со святым ликом.

Говоря о влиянии икон на повседневную жизнь православных верующих, можно утверждать, что почитание святых образов имело двоякую форму. С одной стороны, иконы, находящиеся в храме, пользовались всенародным почитанием, многие из них были широко известны как чудотворные. С другой стороны, имел место иной вариант культа икон: в рамках крестьянского дома. Оба эти варианта не оставались изолированными. Одним из важных обрядов стало хождение духовенства со святыми иконами из приходского храма по крестьянским жилищам. Аналогичные особенности почитания икон наблюдались и в городах. Так, по данным 1879 г., обитатели всех приходов г. Каргополя «имеют обыкновение» регулярно вносить в свои дома иконы Казанской Божией Матери, Покрова Богородицы, Николая Чудотворца, Александра Ошевенского «для служения молебнов»²⁶⁶. Эта традиция нашла поддержку в законодательстве: разрешалось «по желанию» приносить иконы из церквей в дома, «но не иначе как на руках <...> и без громогласного на улицах пения»²⁶⁷. Имел место и противоположный порядок. В Олонецкой епархии существовала традиция, согласно которой прихожане «приносили в храм свои собственные образа и перед ними молились»²⁶⁸.

Иконы, располагаясь в крестьянском доме, оказывали несомненное влияние на поведение каждого прихожанина. «Дом христианина был домашней церковью, освященной святыми иконами»²⁶⁹. Приобщение ребенка к православной вере происходило благодаря обращению к иконе²⁷⁰. Иконопочитание сопровождало каждого верующего в течение всей жизни. Ведь «икона – столько же памятник искусства и старины, сколько еще больше памятник народной веры и народного религиозного сознания»²⁷¹. Действовала древняя традиция, которая

²⁶⁶ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 196, об.

²⁶⁷ *Ивановский Я.* Обозрение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 137.

²⁶⁸ *Докучаев-Басков К.А.* Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI–XIX вв. М., 1900. С. 15.

²⁶⁹ *Цеханская К.В.* Иконы в жизни русского народа. М., 1998. С. 112.

²⁷⁰ *Илюха О.П.* Школа и детство в карельской деревне в конце XIX–начале XX в., с. 64.

²⁷¹ *Дурьлин С.* Древнерусская иконопись и Олонецкий край. Петрозаводск, 1913. С. 8.

предписывала стиль поведения в отношении образов. Почти в каждом крестьянском доме «хранилась родовая икона, которой благословляли в самых важных случаях»²⁷². Отношение к таким иконам было особым. Так, по сведениям из Водлозерского прихода, «иконы, которые находятся в доме, кладутся в красный угол раз и навсегда. В божицу в качестве жертвы кладут деньги, использовать которые не рискуют даже в трудные для семьи времена. Тяжким грехом считается обидеть икону даже ненароком»²⁷³. Перед отъездом в дальнюю дорогу вся семья собиралась перед домашней иконой²⁷⁴. Икона использовалась и для лечения различных заболеваний. Так, распространенным способом лечения детей в Олонецкой епархии «было их умывание водой, слитой с “приданной” иконы, полученной в наследство»²⁷⁵. В то же время почитание тех святых, имена которых носили верующие, не стало общераспространенным. Епархиальная печать призвала внедрять обычай молитвы своему святому соименнику, «который пред престолом Господним молится о нас». Первым шагом на этом пути могло бы стать, по мнению автора статьи, «приобретение изображений того святого или святой, имя которого носят православные»²⁷⁶.

Покупка икон для своих духовных нужд — неотъемлемая часть повседневной жизни крестьян. Пожертвование иконы для «благоукрашения» той или иной приходской церкви к началу XX в. стало столь же распространенным явлением. При этом нередко иконы жертвовали или украшали «в память о прошедших жизненных событиях»²⁷⁷. Так, в 1912 г. крестьяне-неводники Тулокского прихода подарили своему храму образ Николая Чудотворца, «писанный на дереве по золотистому фону». Церковный староста Вытегорской Покровской церкви крестьянин В.Ф. Потанин пожертвовал храму иконы Воскресения Христова и двенадцатых праздников, а настоятель Валаамского монастыря подарил Лужминской церкви Повенецкого уезда икону

²⁷² *Цеханская К.В.* Иконы в жизни русского народа, с. 135.

²⁷³ *Червякова Н.В.* «Вера крещеная» и «заветная» земля: чему и как поклонялись водлозеры // Национальный парк «Водлозерский»: природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 287.

²⁷⁴ *Логинов К.К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья, с. 72.

²⁷⁵ *Илюха О.П.* Школа и детство в карельской деревне в конце XIX—начале XX в., с. 50.

²⁷⁶ Об обязательности для православного христианина особенного почитания того святого, имя которого он носит, и приобретения его иконы // ОЕВ. 1915. № 33. С. 634.

²⁷⁷ *Цеханская К.В.* Иконы в жизни русского народа, с. 73.

«Святцы»²⁷⁸. Мотивы выбора той или иной иконы, а также церкви, для которой она предназначалась, в большинстве случаев остаются неясными. Срабатывала общая закономерность: «Распространенность, преобладание и почитание икон с изображением определенных событий, символов и святых свидетельствуют о живой народной вере в эти события, в заступничество этих святых»²⁷⁹. Карельские народные представления об иконах отличались своеобразием: «карелы, молясь на иконы, обращались не только к Богу и святым, но и к своим покойным предкам»²⁸⁰.

В почитании икон, перед святым ликом примирялись приверженцы тех открыто враждующих конфессий, для которых совместная молитва в других ситуациях оставалась невозможной. Некоторые иконы находились в совместном пользовании старообрядцев и приверженцев господствующей церкви. Так, в 1859 г. старообрядцы Ольховского прихода Каргопольского уезда возмущались действиями местного причта, который якобы подменил находящуюся в церкви древнюю икону более поздней подделкой, поклоняться которой старообрядцы не могли. Расследование опровергло их подозрения. В церкви находилась подлинная старинная икона, написанная до патриарха Никона²⁸¹. Совместное почитание икон становилось возможным из-за древности образов, находящихся в сельских и городских православных приходах епархии. В некоторых случаях конфискованные у старообрядцев иконы рассылались «в нуждающиеся церкви». Так, в частности, поступили в 1888 г. с иконами, хранящимися в бывшей старообрядческой часовне в Даниловском приходе²⁸².

Многие иконы пользовались особой известностью и почитанием верующих, придавали особый статус тем местам, где они располагались и считались чудотворными. Здесь возникали серьезные сложности, обусловленные общими закономерностями жизни прихода. Подлинным, а потому и законным с точки зрения духовных властей «могло быть лишь чудо, санкционированное церковью»²⁸³. В народном понимании «любое

²⁷⁸ О пожертвованиях, поступивших в церкви епархии // ОЕВ. 1912. № 1. С. 4–5.

²⁷⁹ Дурьлин С. Древнерусская иконопись и Олонецкий край, с. 8.

²⁸⁰ Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX–начало XX в., с. 61.

²⁸¹ НА РК, ф. 25, оп. 8, д. 7/3, л. 3.

²⁸² Там же, ф. 25, оп. 15, д. 102/2145, л. 60 (Рапорт священнослужителей Даниловского прихода).

²⁸³ Листова Т.А. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика, с. 719.

обнаружение иконы в каком-либо неожиданном месте могло быть понято как явление»²⁸⁴. С таким упрощенным подходом церковь не могла мириться. Все чудесные явления икон становились предметом пристального внимания местной духовной власти. Так, вырозерский священник С. Ильинский в 1886 г. обнаружил в своем приходе «при доме крестьян Овчинниковых икону Божией Матери Троиручицы». Как выяснилось, икона «древняя, именуемая местными и окрестных приходов жителями чудотворною». Помолиться перед ней приходили крестьяне из разных мест, «даже и из Повенецкого уезда», принося с собою «пожертвования деньгами, восковыми свечами, полотенцами, холстом и прочим». Все эти приношения крестьяне Овчинниковы «употребляли в свою пользу», и настойчивые просьбы причта поделиться и отдать часть пожертвований в пользу приходской церкви не имели успеха. Становой пристав провел следствие, которое лишь подтвердило правоту священника. Крестьяне неосмотрительно заявили, что «они отдать икону в приходскую церковь не согласны»²⁸⁵. Меры были приняты незамедлительно. Консistorия ссылалась на синодальный указ от 21 февраля 1722 г., по которому «иконы, оглашаемые чудотворными, должны быть немедленно отбираемы и поставляемы в ризницы кафедральных соборов». Новый аналогичный указ Синода, датированный 14 мая 1878 г., говорилось далее в журнале консистории, предписывал, «чтобы духовенство, в случае оглашения каких-либо икон чудотворными, не оставляло их в своих церквях и не совершало перед ними священнодействий, а немедленно доложило о сем епархиальному начальству»²⁸⁶. В итоге полиция отобрала икону и передала ее в ризницу петрозаводского кафедрального собора²⁸⁷.

Данный случай стал исключением. Традиция редко вступала в противоречие с законодательными нормами. Это особенно отчетливо проявилось в почитании святых. Жители разных мест Олонецкой епархии особо почитали образа Николая Чудотворца. Как говорилось в отчете каргопольского благочинного за 1879 г., «большая часть прихожан соблюдает обычай, отправляясь в дальний путь или куда-либо на заработки и потом, возвращаясь домой, служить молебны в храме

²⁸⁴ Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России, с. 55.

²⁸⁵ НА РК, ф. 1, оп. 10, д. 71/34, л. 1–1, об.

²⁸⁶ Там же, л. 2. См. также: Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 136.

²⁸⁷ Там же, ф. 1, оп. 10, д. 71/34, л. 14.

святому Николаю»²⁸⁸. Эта закономерность в полной мере отражается на иконопочитании. Так, в Каргополе, в древней Воскресенской церкви, располагалась икона, пожертвованная по завещанию купца Г.С. Мохнаткина. Другая почитаемая Каргопольская икона святителя Николая находилась в Святодуховской церкви. В Пудожском уезде почитаемая икона Николая сохранялась в бывшей Нигозерской пустыни. Примечательно, что эта икона была написана местным дячком по заказу «известного расколоучителя» Корнилия, но ее почитали как старообрядцы, так и приверженцы господствующей церкви. В Торос-озере, неподалеку от Олонца, имелась собственная особо почитаемая икона Николая. Как полагали местные жители, она чудесным образом помогает и при болезнях, и в трудных жизненных ситуациях. «Местные и окрестные, даже дальние, жители дают в трудные минуты жизни, в особенности при болезнях зубов и глаз, обещания молиться перед явленным Торос-озерским образом святого Николая». Почитание иконы подкреплялось рядом чудесных исцелений. По утверждению епархиальной печати «многие действительно получали выздоровление»²⁸⁹. В Лодейном Поле особым почитанием также пользовалась икона Николая Чудотворца. При строительстве новой церкви местный культ принимался во внимание. Как говорилось в деле о возведении храма, «место это избрано для храма как по красоте своей и удобству, так и потому, что была уже часовня, в коей находился образ святителя Николая Чудотворца и население чтит этот образ за чудотворный, по народному преданию»²⁹⁰. В Тагажмозерском приходе Вытегорского уезда имелась широко известная в епархии икона, «по преданию явленная и чудотворная». Народная молва утверждала, что «икона явилась на сосне, которая стояла у церковного крыльца». Вскоре, утверждала епархиальная печать, начались чудесные исцеления молящихся перед святым образом. В народе сохранялась вера в благодатную помощь от иконы, «и в прежние годы приходили богомольцы за сотни верст» помолиться перед ней²⁹¹.

Слава Николая Чудотворца оказалась наиболее распространенной и устойчивой. Но этим почитание икон в городах и селах Олонецкой

²⁸⁸ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 22, об.

²⁸⁹ *Шайжин Н.* Слава святителя и чудотворца Николая в Олонецком крае, с. 15–17.

²⁹⁰ НА РК, ф. 25, оп. 4, д. 43/22, л. 12, об.

²⁹¹ *Чесноков Г.* Двадцатилетие со дня освящения Тагажмозерской Николаевской церкви Вытегорского уезда, с. 687.

епархии не исчерпывается. Так, в Красновском приходе Пудожского уезда особо почитался образ св. Параскевы, «по народному преданию — явленный». «В Красно к Пятнице» два раза в год стекалось множество народа, «останавливались здесь и богомольцы по пути в Соловки»²⁹². Одним из ярких примеров иконопочитания стало прошение вдовы мастерового Александровского завода Дарьи Дуроевой. Обращаясь к олонецкому архиерею, вдова сообщала об имеющейся у нее иконе: «Хотя я многолетняя и бездетная вдова и звания простого, но имею неоцененное у себя сокровище в иконе Пресвятыя Богородицы, просторечно зовомыя Троеручицы». К середине XIX в. икона оказалась «известна всему городу (*Петрозаводску*. — М.П.) и многим сельским жителям». Как говорилось в документах консистории, «по общему усердию к святой иконе многие являюся на поклонение ей в частную квартиру вдовы Дуроевой», на средства почитателей иконы «сделаны к ней жемчужные украшения примерно до 500 рублей серебром»²⁹³. Дарья Дуроева намеревалась специально для «своей» иконы построить церковь на Широкой улице г. Петрозаводска. Инициатива вдовы встретила поддержку у олонецкого архиерея. Преосвященный Аркадий, «всегда ревностный и неизменно энергичный в делах Божиих», после «предварительного дознания» об истории иконы добился выделения места для строительства храма, назначения архитектора и предоставил вдове право сбора средств для будущей церкви. Место для храма было торжественно освящено, но дальше дело не пошло. Причиной стало строительство кафедрального собора в Петрозаводске, «где хотели устроить придел во имя Божией Матери Троеручицы»²⁹⁴. В Повенце имелась своя главная городская икона. Об этом свидетельствуют данные описания, составленного повенецким благочинным в 1893 г. «Жители города Повенца, — писал священник, — обнаруживают свое благочестие частым хождением в церковь, особенно в дни воскресные и праздничные, а также и в высокоторжественные, служением молебнов <...> и частым поднятием в дома свои из собора местной чтимой иконы Смоленской Божией Матери»²⁹⁵.

В сельских приходах имелись собственные святыни: в глазах олонецких крестьян ряд икон пользовался особым почитанием. Так, в Виданском приходе, в одной из местных часовен, имелась икона во имя

²⁹² Бовкало А.А., Галкин А.К. Род Казанских в истории Олонецкой епархии. Каргополь, 2002. С. 8.

²⁹³ НА РК, ф. 25, оп. 4, д. 13/1, л. 8.

²⁹⁴ Там же, л. 8.

²⁹⁵ Там же, д. 25/1682, л. 241.

св. Николая. От множества других часовен во имя этого же святого она отличалась расположенным неподалеку от нее камнем «с углублением на нем, весьма похожим на отпечаток человеческой ступни». (Появление этого отпечатка приписывали святому Николаю, который, как полагали крестьяне, ходил по их полям.) Местные жители, обитатели соседних приходов и даже петрозаводчане приезжали, приплывали и приходили пешком для того, чтобы помолиться перед местной иконой св. угодника Божия²⁹⁶. В начале XX в. в Шимозерском приходе в одном из крестьянских домов «икона сама собою просветлела, очистилась от насевшей от времени пыли и грязи». Вскоре выяснилось, что икона чудотворная: «некоторые из моливших пред сею иконою получили облегчение от болезней». Ее слава быстро облетела далекие и близкие селения: «услыхав об этом, не только местные и окрестные поселяне, но и из дальних мест стали приходиться богомольцы на поклонение иконе целыми толпами». По распоряжению епископа икону перевезли в кафедральный собор Петрозаводска²⁹⁷. Иной стала судьба явленной иконы — «чудотворного лика св. великомученицы Параскевы», обнаруженной «благочестивой отроковицей» неподалеку от Вытегры. Здесь «благодать чудотворений, подобно дивному источнику проистекающая от святой иконы, способствует молитвенному настроению». И поэтому «простой народ, оторвавшись от своих обычных занятий <...> коленапреклоненно, со слезами открывает здесь пред св. образом скорбь свою сердечную и пламенно молит Стратотерпицу предстательствовать пред Господом об избавлении от бед, болезней и напрасной смерти»²⁹⁸.

Почитаемые иконы не всегда соответствовали церковным канонам. Известно, что на Европейском Севере России длительное время, на протяжении веков, существовал собственный иконописный стиль, находящийся под сильным влиянием Великого Новгорода. Вполне допустимо предположить, что первые иконы проникли на Север вместе со священниками — выходцами из Новгорода: «воспринимаемая веру, север воспринимал от Новгорода великолепные памятники этой веры — иконы»²⁹⁹. Остатки новгородского влияния, по утверждению С. Дурьлина, сохранялись в XIX—начале XX в. двояко: в виде самих икон и в форме особого северного

²⁹⁶ Шайжин Н. Слава святителя и чудотворца Николая в Олонецком крае, с. 22—23.

²⁹⁷ НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 9/96, л. 86, об.

²⁹⁸ Волокославский А. Соединенный крестный ход 8 приходов 17-го благочиннического округа Олонецкой епархии к Параскевинской приписной церкви Тудозерского прихода Вытегорского уезда 17 и 18 июля, с. 604.

²⁹⁹ Дурьлин С. Древнерусская иконопись и Олонецкий край, с. 8.

письма, «своего рода “малого” стиля, порожденного “большим” – новгородским»³⁰⁰. Постепенно ситуация менялась не в лучшую сторону. Начало XIX столетия «было отмечено сокращением строительства храмов и уменьшением иконописных заказов на большинстве территорий Русского Севера – в Архангельской, Вологодской, Вятской губерниях»³⁰¹. При этом Олонецкая епархия даже на этом фоне выглядела наихудшим образом: здесь не было собственного *крупного* центра иконописи, как, например, в Великом Устюге³⁰². Насущная и имеющая явную тенденцию к росту потребность крестьян в иконах удовлетворялась за счет привоза из других местностей и благодаря работе небольших деревенских мастерских, в которых мастер работал со своей семьей, подмастерьями или учениками³⁰³. Примеры легко найти в материалах делопроизводства консистории. Так, в 1856 г. полиция обратила внимание на местного мастера-иконописца Ивана Иванова, подозревая его в связях с «раскольниками». При более внимательном изучении биографии мастера выяснилось, что он «промышляет малярною работою, а иногда исправляет и иконы». «В прежнее время» он «писал иконы местным крестьянам, тому, кто прикажет, а также писал по заказу и для православных церквей». При этом о собственных профессиональных пристрастиях ему пришлось забыть. По свидетельству местных жителей, Иванов «хотя и раскольник, но иконописанием занимался не по духу раскола»³⁰⁴.

С течением времени ситуация менялась, причем не всегда в лучшую сторону. В распространении икон стремительно усиливались коммерческие тенденции. Святые образа стали объектом торговли, наряду с потребительскими товарами, что ощутимо отразилось на качестве их исполнения. В современных трудах подчеркивается мысль о том, что «икона пишется не с эстетическими целями, она предназначена прежде всего для молитвы»³⁰⁵. У местной епархиальной власти имелся собственный взгляд на эту проблему. В документах духовной консистории

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ *Плаксина Н.Е.* Сведения об иконописцах и резчиках Великого Устюга по документам церквей Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии (первая половина XIX в.) // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования: материалы IX Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2006. С. 423.

³⁰² Там же. С. 423–424.

³⁰³ См. об этом подробнее: *Логинов К.К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX–начало XX в.), с. 62.

³⁰⁴ НА РК, ф. 25, оп. 8, д. 5/43, л. 5, об.–6.

³⁰⁵ *Лепяхин В.* Икона и иконичность. Сегед, 2000. С. 100.

содержатся свидетельства о том, что подавляющее большинство местных икон представляли собой жалкое зрелище, включали неканонические и мирские изображения. Их происхождение оставалось сомнительным: профессиональные иконописцы в епархии отсутствовали. По данным середины XIX в., по всей России разъезжали торговцы иконами, бесконтрольно продающие образа всем желающим. И повсюду в их деятельности отмечались серьезные злоупотребления. Олонецкая епархия не стала исключением. Так, по данным 1859 г., в Каргопольском уезде торговцы святынями по высокой цене продавали старообрядцам «зачерневшие иконы», выдавая их за древние³⁰⁶.

Изготовление новых образов осуществлялось на непрофессиональном уровне и приобретало характер сезонного промысла. Вскоре на эту проблему обратило внимание губернское и епархиальное начальство. В 1865 г. к архиепископу Аркадию явился протоиерей Федор Рождественский, который обнаружил на петрозаводской ярмарке «не только грубые, но и суемудренные иконы». Сомнительные образа, утверждал протоиерей, привозятся из Владимирской губернии и «свободно выставляются на рынке и продаются без всякого освидетельствования местной духовной цензуры». Здесь же находятся и «раскольнические иконы, картины и книги», которые «тайно продаются за большие деньги»³⁰⁷. По распоряжению архипастыря представители местного духовенства осмотрели лавки торговцев иконами и установили, что все образа написаны в разных деревнях Владимирской губернии, «отличаются отсутствием всякого искусства и эстетичности, а равно грубыми приемами». Но это, утверждали авторы документа, «составляет общую черту всех живописных работ и картин, продающихся везде по самым дешевым ценам». Ничего предосудительного в исследованных иконах местные церковники не обнаружили и закрыли дело³⁰⁸.

Новое рассмотрение этого вопроса относится к 1868 г. Олонецкий губернатор поручил петрозаводскому духовенству во главе с протоиереем Николаем Лебедевым освидетельствовать имеющиеся в продаже иконы. Итог оказался тревожным. Комиссия донесла, что «иконы продаются на ярмарочной площади в балаганах <...> общая черта всех продаваемых икон есть совершенное отсутствие иконописного искусства. Лики, например, Господа, Божией Матери и святых изображены весьма грубо и несоответственно святости изо-

³⁰⁶ НА РК, ф. 25, оп. 8, д. 7/3, л. 7.

³⁰⁷ Там же, д. 13/24, л. 1.

³⁰⁸ Там же, л. 5.

бражаемого, краски самые простые и во всем заметна одна безвкусная простота». В свое оправдание торговцы объясняли, что иконы предназначены для простого народа. Для предотвращения подобных нарушений архиепископ предложил олонецкому губернатору объединить усилия: «при открытии ярмарок свидетельствовать привозимые для продажи иконы»³⁰⁹. Здесь он мог опереться на законодательные нормы, согласно которым «неискусно написанные» иконы, а тем более «писанные в странном и соблазнительном виде» следовало отбирать «при содействии полиции»³¹⁰.

Епархиальная печать не скупилась на горестно-иронические характеристики некоторых икон: «Спаситель <...> подносит к устам одного из учеников святыню чашу, нарисованную художником так неискусно, что она представляет скорее большую бутылку»³¹¹. В Мошинском приходе Каргопольского уезда в числе примечательных икон обнаружилась икона св. Христофора, на которой мученик изображен «в стоячем положении с осьмиконечным крестом в руке и головой собаки, очень неискусно нарисованной, — а волосы на голове длинные человеческие»³¹². Эти данные вполне соответствуют впечатлению от посещения некоторых местных храмов. Посетив в начале XX в. Чуриловский приход Вытегорского уезда, современник описываемых событий составил тягостное впечатление: «Закоптелые стены, закоптелые и почерневшие до неузнаваемости лики святых на иконах и самый иконостас облезший с облупившейся и потемневшей позолотой <...> все это было так неопрятно, так некрасиво, что зайдя в храм чувствовалось, что нет живой и любящей души, могущей позаботиться о большем благолепии сего святого места»³¹³. Правда, к 1911 г. ситуация резко изменилась: новый священник, о. П.М. Герасимов, изыскал средства на ремонт храма и новый иконостас³¹⁴.

Картина, которая отмечалась в приходах буквально накануне и в первые годы XX в., была явно удручающей. Множество икон

³⁰⁹ Там же, д. 15/5, л. 8–9, об.

³¹⁰ *Ивановский Я.* Обозрение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 136.

³¹¹ *Островский Д.* Село «Видана» // ОЕВ. 1900. № 12. С. 460.

³¹² *П.* Мошинский приход Каргопольского уезда // Там же. 1907. № 3. С. 75–79.

³¹³ *Вещезеров А.* Освящение придела во имя Св. и Чуд. Николая в Чуриловском приходе Вытегорского уезда, с. 110.

³¹⁴ Там же.

не соответствовали церковным правилам, и епархиальная власть оказалась бессильна. Собравшиеся на епархиальный съезд духовенства сельские священники с любопытством разглядывали художественно, со знанием дела написанные иконы. Ведь «многие сельские батюшки, особенно молодые, мало видали или, вернее, совсем не видали художественно выполненных св. икон»³¹⁵. В Гимольском приходе, судя по его описанию, составленному в 1900 г., в иконостасе по бокам «расположены старые иконы, оставшиеся от прежней церкви. В прежний храм они попали «из Петрозаводского кафедрального собора, куда они были вывезены из Даниловского раскольнического скита»³¹⁶.

Более пристальное и квалифицированное изучение иконостасов местных храмов позволило выявить еще больший перечень недостатков. В 1906 г. была опубликована статья известного олонецкого исследователя церковного прошлого Н. Шайжина, который вполне объективно и со знанием дела отнесся к проблеме обеспечения местных церквей необходимыми и соответствующими церковным канонам иконами. Он указывал, что в настоящее время «наши художники иконописцы в большей или меньшей степени являются подражателями, а нередко и просто копиистами произведений западных художников и вместе с ними отдают и особенно прежде отдавали неуместному в нашем церковном искусстве крайнему реализму». Часто «умильными» изображались те лица, которые таким душевным свойством явно не обладали. Так, «умильными» иконописцы изображали палачей, избивающих вифлеемских младенцев, или воина, пронзающего копьем тело Спасителя. Подчеркивая распространенные недостатки икон, Н. Шайжин обращал внимание на изображение ангелов в виде амуров, неуместную тучность фигур святых. Неблагоприятную картину завершало сочетание разных стилей и эпох в иконописном оформлении приходских храмов³¹⁷.

Выход из создавшегося положения епархиальное начальство видело в усилении контроля над имеющимися в местных приходских храмах иконостасами и набирающей обороты торговлей образами. Этот контроль стал частью государственных мероприятий, нацеленных на усиление «государственного попечительства и контроля за иконой и

³¹⁵, Местная епархиальная хроника // ОЕВ. 1900. № 4. С. 146.

³¹⁶ *Надпорожский П.* Гимольский приход Повенецкого уезда // Там же. 1900. № 6. С. 226.

³¹⁷ *Шайжин Н.* Современное русское иконописание // Там же. 1906. № 10. С. 402.

иконным делом»³¹⁸. Так, в мае 1744 г. появился указ, предписывающий содержать святые иконы «во всякой чистоте», «почасту» обмывать их, реставрировать закоптелые образа³¹⁹. В XIX в. надзор стал более пристальным и предполагал постепенное формирование кадров профессиональных иконописцев, более или менее придерживающихся церковных канонов. Некоторые надежды возлагались на монастыри, уровень богословской подготовки насельников которых был, несомненно, выше, чем у ремесленников-крестьян. В некоторых монастырях иконопись стала своеобразным промыслом. Так, посетив в 1883 г. Важеозерский монастырь, известный геодезист В.В. Витковский следующим образом описывал занятия монахов: «В досужее время монахи шьют себе одежду, малюют образки на продажу, плетут рыболовные сети»³²⁰. В одном из крупнейших в епархии Александро-Свирском монастыре, судя по ежегодному отчету епископа, имелась собственная иконописная мастерская³²¹.

Необходимость решения назревшей проблемы стала очевидной, и духовное начальство решило переломить ситуацию. В 1900 г. съезд благочинных Олонецкой епархии обсуждал вопрос о «наблюдении за продажей икон крайне небрежного и неправильного письма». Съезд констатировал, что по епархии «разъезжают продавцы разных икон». При этом лики святых, «изображенные на сих иконах, совсем не напоминают сих святых». Более того, «кто написан на иконе, можно узнать только по надписи. Переменить надпись — и на той же иконе будет другой святой». Съезд рекомендовал духовенству «завести при церквях продажу икон», убеждать прихожан не покупать безобразные иконы. В том случае «если приносят их для освящения», отказывать в этом прихожанам³²². Другой способ решить наболевший вопрос виделся в подготовке иконописцев в местной семинарии из числа представителей приходского духовенства³²³. К 1900 г. эта задача активно выполнялась: занятия иконописью были «поставлены на твердую почву», приобретены краски и мольберты, а число обучающихся

³¹⁸ *Тарасов О.Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России, с. 39.

³¹⁹ Указ «О содержании поселянам в домах их святых икон в чистоте» // ПСПиР. СПб., 1907. Т. 2. № 619. С. 98–99.

³²⁰ Цит. по: *Пашков А.М.* Шелтозерье конца XIX в. глазами В.В. Витковского // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск, 2008. С. 64.

³²¹ НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 9/97, л. 10–10, об. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1904 г.).

³²² Из постановлений благочиннического съезда Олонецкой епархии, бывшего в г. Каргополе // ОЕВ. 1900. № 7. С. 263–264.

³²³ *Островский Д.* Село «Видана» // Там же. № 12. С. 458.

живописи составило 30 человек³²⁴. При освидетельствовании церковей особое внимание обращали на иконостас. Так, в 1903 г. составлен акт о состоянии Спасогубской церкви, в котором особо указывалось, что в ней «все иконы греческого письма»³²⁵. К 1907 г. епархиальное церковное братство наладило распространение в сельских приходах «недорогих, но правильного письма икон»³²⁶. Епархиальный съезд духовенства настоятельно просил местное начальство «воспретить, особенно в корельских приходах, развозку и продажу образов крайне неискusного (владимирского) письма и принять меры к распространению в сих приходах икон из склада Братства преподобного Александра Свирского»³²⁷.

Подводя итоги, можно отметить, что иконопись стала одной из сфер, где государственный контроль медленно, постепенно усиливался, приводя к каноническому единообразию в изображении святых, Христа и Богоматери. Но возможности местной духовной власти в этой сфере оставались незначительными. Во-первых, изгоняемым из торговли иконам следовало противопоставить одобряемые образцы, которые пришлось бы изготавливать в массовом порядке. Такой возможностью духовная консистория не обладала. Во-вторых, нередко торговля осуществлялась нелегально. Более-менее поддающейся надзору стала торговля иконами в центре губернского города, буквально на пороге соборного храма Олонецкой епархии. Многочисленные приходы оставались за пределами контроля; здесь процветала нелегальная торговля, следствием которой стало распространение упрощенных, дешевых и доступных небогатым верующим изображений.

§ 4. Память верующих

Христианство изначально формировалось как «религия историков», «одна из наиболее темпорализированных религий в истории человечества»³²⁸. В нем главенствующую роль играло абсолютное,

³²⁴ Сворцов В. Из жизни петрозаводских духовно-учебных заведений // ОЕВ. 1900. № 13–14. С. 515.

³²⁵ НА РК, ф. 25, оп 20, д. 54/613, л. 24 (Акт о состоянии церкви во имя Преображения Господня).

³²⁶ От совета Олонецкого епархиального церковного братства // ОЕВ. 1907. № 14 (Приложение, с. 3).

³²⁷ Постановление Олонецкого Епархиального начальства (от 4–10 мая за № 128) // ОЕВ. 1907. № 14. С. 277.

³²⁸ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: история и теория. В 2-х т. СПб., 2006. Т. 2. С. 117.